

действиями в Шампани в ходе Столетней войны. Ситуация усугублялась крайней феодальной анархией и перенапряжением финансов герцогства. В этом конфликте герцогу Лотарингскому не удалось сохранить нейтралитет. Признав в мае 1422 г. договор в Труа, он спас Барруа от полномасштабного вторжения англо-бургундских сил, но стал врагом сторонников дофина Карла, подвергшим герцогство Бар разорению.

Список использованных источников

1. *Lecoy de la Marche, A.* Le Roi René, sa vie, son administration, ses travaux artistiques et littéraires: en 2 t. / A. Lecoy de la Marche. – Paris: Firmin-Didot frères, fils et Cie, 1875. – Т. 1. – 571 p.
2. *Servais, V.* Annales historiques du Barrois. Règne du cardinal duc de Bar. Année 1420 / V. Servais // Mémoires de la Société des lettres, sciences et arts de Bar-le-Duc – Bar-le-Duc: Contante-Laguerre, 1873. – Т. 3. – P. 105–120.
3. Chartes de la famille de Reinach déposées aux archives du Grand-duché de Luxembourg // Publications de la Section historique de l'Institut royal grand-ducale de Luxembourg. Année 1879. – Luxembourg: V. Buck, 1879. – Т. 30. – P. 1–796.
4. *Luce, S.* Jeanne d'Arc à Domremy: recherches critiques sur les origines de la mission de la Pucelle, accompagnées de pièces justificatives / S. Luce. – Paris: H. Champion, 1886. – 740 p.
5. Chronique, ou Annales du Doyen de S. Thiébaud de Metz // Dom Calmet. Histoire de Lorraine. En 7 t. – Nancy: Leseur, 1752. – Т. 5. – P. V–CXVII.
6. *Smyttère, P. J. E. de.* Les ducs de Bar, ou seigneurs et dames de Cassel de la maison ducale de Bar / P. J. E. de Smyttère // Mémoires de la société des lettres, sciences et arts de Bar-le-Duc. – Bar-le-Duc: L. Filipona et Co, 1884. – Ser. 2. – Т. 3. – P. 151–467.
7. *Calmet, Au.* Histoire généalogique de la Maison du Chatelet, branche puinée de la Maison de Lorraine / Au. Calmet. – Nancy: la veuve de Jean-Baptiste Cusson, 1741. – 617 p.
8. *Digot, A.* Histoire de Lorraine. 2 ed.: en 6 t. / A. Digot. – Nancy: G. Crépin-Leblond, 1880. – Т. 2. – 403 p.

(Дата подачи: 14.02.2020 г.)

П. В. Шевкун

Витебский государственный медицинский университет, Витебск

P. V. Shevkun

Vitebsk State Medical University, Vitebsk

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

THE ORTHODOX CHURCH IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN SOCIAL SYSTEM (XIX – EARLY XX CENTURIES)

В статье раскрывается положение православной церкви Российской империи в XIX – начале XX в. Показана роль церкви в качестве источника и транслятора социальной ин-

формации. Указаны обстоятельства, которые вели к изменению её социальных функций. Выделены государственно-церковные мероприятия, направленные на сохранение роли православной церкви в социальной системе империи, отмечена их специфика.

Ключевые слова: православная церковь; духовное образование; информация, православные епархии; социальная система; духовенство; семинария; училище.

The article reveals the position of the Orthodox Church of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries. The role of the Church as a source and translator of social information is shown. The circumstances that led to the change in its social functions are specified. State-church events aimed at preserving the role of the Orthodox Church in the social system of the Empire are highlighted, their specificity is noted.

Key words: orthodox church; religious education; information, orthodox dioceses; social system; clergy; divinity school; college.

В XIX – начале XX в. народы Российской империи составляли религиозное сообщество. Все подданные монархии принадлежали к определенным вероисповеданиям, должны были регулярно совершать ключевые обрядовые действия. Конфессиональная маркировка активно использовалась абсолютистской государственностью, для «контроля и категоризации населения», легитимации социальных отношений и системы управления, в качестве важнейшей составляющей национальной идеи, с помощью которой элиты пытались привить современную политическую идентичность широким слоям населения. В связи с этим возникает вопрос: чем обусловлена в период модернизации такая роль православной церкви?

Необходимо отметить, что мы имеем дело со сложно организованными сообществами, целостность и эффективность которых нужно было поддерживать специальными механизмами. Важнейшим средством такой поддержки является государство. С его помощью осуществляется координация социальных отношений. Однако члены сообщества должны понимать принципы объединения, обладать о нём необходимой информацией. Только при этих условиях появляется возможность сделать социум устойчивым к внутренним и внешним вызовам.

К важнейшим элементам, с помощью которых происходит самоорганизация больших объединений, относятся средства массовой информации (СМИ). Они обеспечивают трансляцию социально значимой информации для всех членов объединения. Печатные и электронные издания предоставляют полный комплекс данных о жизни общества. Позволяют сформировать позицию, чувство причастности к социальным процессам, «воображаемому сообществу» (Б. Андерсен), реальность которого индивид не может непосредственно воспринять.

В связи с этим важно определить средство предоставления информации об обществе, принципах его организации и функционирования в эпоху предшествующую появлению СМИ. Ведь в рассматриваемом регионе их активное развитие началось лишь к последней трети XIX в. Единственным институтом, который тогда мог выполнять функцию социального информирования, была церковь. Она обладала для этого необходимыми материальными

ми и интеллектуальными ресурсами. Первые заключались в разветвленной сети храмов, к которым имел доступ каждый верующий. Вторые в наличии интеллектуальных центров производства информации (монастыри) и людей (духовенство), которые несли эту информацию и имели возможность контроля над её восприятием.

Информация об обществе состояла из данных об организациях (церковь-клир, государство, в его роли в основном выступала королевская семья); отношениях (библейские истории, святое семейство, жизнь апостолов и святых); общественных событиях (церковные и государственные праздники, к последним относились династические мероприятия: коронавания, именины; наиболее значимые победы).

Важнейшими чертами информации (и это роднит ее со СМИ) были: регулярность, актуальность, адекватность, доступность и уникальность. Регулярность заключалась в том, что она была рассчитана на ежедневное восприятие с развитой системой доставки. Актуальность была не в ее новизне и разнообразии, а наоборот в повторяемости и единстве, ибо только так можно быть уверенным, что в других регионах жили члены того же сообщества. Адекватность социальным реалиям определялась единством веры всех структурных элементов общества, тотальной религиозностью подданных, присутствием в религиозной символике политического руководства, и наличием духовенства, объединявшего через обряд конкретную общину с социальным целым. Доступность заключалась не только в физической возможности присутствия каждого подданного при отправлении культа, но и в специфике восприятия информации, для которой образование было не обязательно. «Сознание ... эпохи всё представляет себе конкретно и материально: даже духи и души кажутся чем-то пространственным и вещественным» [1, с. 275]. Уникальность информации выражалась в ее безальтернативности. Как не может на одной и той же территории одновременно находиться нескольких государств, так и религия, передающая такую информацию, может быть только одна. Другая религиозная информация соответственно вела к разрушению существовавших социальных связей и поддерживающих их структур.

Сегодня не вызывает сомнений, что церковь принимала важнейшее участие в легитимации политической власти. С нашей точки зрения имеет смысл говорить шире, когда вопросы легитимности были одними из общего комплекса получаемой информации, ведь всегда остаётся открытым вопрос: почему церковь оказалась наделённой такой уникальной функцией? Вместе с тем, ответ на этот вопрос становится очевидным, если мы предположим, что церковь, давая весь комплекс информации об обществе самым широким слоям населения, естественным образом являлась контролёром соответствия стандартам различных институтов.

Социальную религиозную информацию имеет смысл разделить на два уровня: информацию, которая идёт непосредственно через церковь, её можно назвать конфессиональной и ту, которая имеет околоцерковное происхождение

ние, сохраняется в определённой местности и передается устно из поколения в поколение, то есть общинно-бытовую (народные традиции и обряды). Собственно конфессиональная информация предоставляла знания о макроуровне организации и через обряд формировала причастность к нему человека, а вот принципы общинной организации из нее не следовали, хотя и не противоречили. Она скорее воспринималась как данность, которую нужно вписать в более сложный социальный механизм. Макроинформации было недостаточно для стабилизации общины, то есть формирования представлений о некоем едином социально-биологическом пространстве. Община жила в тесной связи с окружающей природой, от которой зависело если не её выживание, то относительное благополучие. Не было на макроуровне механизма сохранения накопленных общиной знаний, адаптации конфессиональной информации к её жизни. Для этого были способы помогающие распознавать волю бога, противостоять злым силам, заручаться поддержкой добрых. Данные два уровня информации гармонизировали и дополняли друг друга. Первый давал представление об общем миропорядке, а второй адаптировал к нему жизнь конкретной общины. «Мы легко обнаруживаем проявление десяти заповедей Закона Божьего в принципах общинной жизни» [2, с. 331].

Таким образом, достигалось информирование людей о социуме, элементами которого о ни являются. Однако, в XIX в. Российская империя уверенно вступает на путь модернизации. Более активно развиваются транспортные коммуникации, экономическое сотрудничество выходит на новые уровни. Среди элиты усиливались сомнения в достаточности прежних религиозных основ общества. Секулярная национальная идея, утверждавшая, что для восприятия социального единства вера в бога не имеет принципиального значения, постепенно завоевывала умы образованной части общества. Проходят реформы государственного управления, унифицируется законодательство. Формируется система массового образования, появляется пресса. Нарастало понимание того, что церковь не отражает, в достаточной мере, социальные процессы.

Тем не менее, на протяжении большей части XIX в., процессы модернизации, развитие каналов коммуникации, информирования населения и соответственно его образованности не носили массового, универсалистского характера. Проявлялись диспропорции между новыми технологиями, которые уже были достаточно развиты и возможностями российского общества. Даже на уровне начального образования грамотность была незначительной. Так, в 1797 г. грамотность сельского населения старше 9 лет составляла 4 %, а городского – 10 %, но уже в 1917 г. – соответственно 38 и 71 %. В 1880 г. сельская администрация, состоявшая из сельских старост и волостных старшин, имела в своем корпусе 19 % грамотных. Лишь к 1917 г. грамотность выросла к 36 % у крестьян, 64 % у горожан и 90 % у дворянства [2, с. 402, 527].

Печатные издания были относительно малотиражными. В 1900 г. суммарный тираж различных периодических изданий составлял около полу-

тора миллионов [3]. При численности населения по всеобщей переписи 1897 г. – 129,2 млн человек. Урбанизация также была низкой. Так, в 1863 г. удельный вес городского населения в европейской части империи составлял 10 %, в белорусских губерниях – 11,6 %. В 1914 г. соответственно 14,4 % и 13,4 % [4, с. 59]. Железнодорожное строительство активно началось во второй половине XIX в., и в начале XX в. были соединены лишь основные промышленные и политические центры. В силу этого скорость коммуникации была неравномерной и недостаточной для полноценного развития СМИ. В результате, в силу неразвитости альтернативных каналов, церковь сохраняла свою информационную роль. В какой-то степени ее значение даже возрастает, так как государство проводило реформы, и возникал вопрос их восприятия, уровня легитимности.

Тем не менее, от церкви и государства уже требовались целенаправленные действия по сохранению ее места в социальной системе. Однако, те средства, которые церковь использовала для этого, одновременно разрушали ее монополию и свидетельствовали о постепенной утрате прежней социальной роли. К ним можно отнести мероприятия по повышению эффективности управления, образовательные проекты, активизацию роли приходского духовенства.

Из наиболее значимых преобразований в сфере управления нужно отметить реорганизацию 1 марта 1839 г. канцелярии Св. Синода и обер-прокурора, создание духовно-учебного и хозяйственного управления [5, с. 428]. Значимой вехой в унификации церковной деятельности было принятие в 1841 г. устава духовных консисторий. В нем унифицировали законодательство в сфере епархиального управления [6]. В 1848 г. ликвидировали духовные правления и указы [7].

Во второй половине XIX в. преобразования продолжались. Распространилась практика епархиальных съездов депутатов от духовенства по вопросам устройства и управления духовных училищ и семинарий. Были проведены мероприятия по «открытию» сословия. Епископов обязали выбирать духовных лиц на вакантные места, принимая во внимание не социальное происхождение, а профессиональные и моральные качества кандидатов. К началу XX в. черед дошел и до общей реформы синодальной системы. Краеугольным камнем стал вопрос возрождения патриаршества.

В сфере духовного образования реформы носили еще более выраженный характер. В 1808–1814 гг. была сформирована трехуровневая система образования: уездные училища, семинарии и академии. Было создано три округа во главе с академиями. Общее руководство осуществлялось Комиссией духовных училищ при Св. Синоде. Семинарии и училища изъехали из подчинения епархиальных архиереев.

6 декабря 1829 г. получило силу закона «Положение об усилении способов к образованию духовного юношества и обеспечению приходских причтов». Оно предусматривало увеличение числа учащихся на «казенном содержании», назначение в приходы кандидатов, окончивших семинарии, укрупнение при-

ходов и сокращение причтов [8]. 1 марта 1839 г. вместо Комиссии духовных училищ создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде [9]. Регламентации подверглась процедура поступления и учебный процесс. В мае 1867 г. были утверждены новые уставы семинарий и духовных училищ, а в 1869 г. – академий. Вместо Духовно-учебного управления был учрежден Учебный комитет. Следующая реформа духовных школ последовала в 1884 г. [10].

Повышенное внимание политического и церковного руководства к уровню образования духовенства было продиктовано не только заботой о более качественном исполнении ими своих обязанностей, но и для влияния на паству. С конца XVIII в. контроль над проповеднической и катехизаторской деятельностью духовенства только усиливался. В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями онога, под руководством просвещенного и опытного наставника» [11, с. 62–64].

С целью привлечения духовенства к более активному участию в жизни прихода, в рамках катехизации населения и повышения уровня его грамотности в западных губерниях еще в 1836 г. приняли решение по открытию при церквях школ для детей прихожан [12]. Активизировался этот процесс с 1839 г. [13, с. 80]. 27 июня 1842 г. приняли постановление «Об устройстве сельских приходских училищ в казенных селениях» [14]. Обучение было бесплатным [15, с. 12]. После реформы 1861 г. начинается организация государственной системы начального образования деревни, которая со временем должна была охватить всех крестьянских детей школьного возраста [16, с. 263]. Духовенство в этих мероприятиях принимало непосредственное участие.

Во второй половине XIX в. церковь активно включилась в деятельность СМИ. На общецерковном уровне роль официального издания принадлежала до 1888 г. «Церковному вестнику», потом – «Церковным ведомостям». Кроме того выходили: «Вера и церковь», «Православный собеседник», «Церковно-приходская школа», «Приходская жизнь», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Кормчий», «Воскресение», «Воскресный день» и другие [17, с. 11]. На региональном уровне были созданы епархиальные ведомости. На территории белорусско-литовских губерний первые ведомости вышли в Литовской епархии (1863 г.), затем в Минской (1868 г.), Полоцкой (1874 г.), Могилевской (1883 г.) и Гродненской (1901 г.).

Епархиальные ведомости задумывались как аналог Губернских ведомостей. Номер должен был состоять из официальной и неофициальной частей. Первая предназначалась для публикации царских манифестов и указов, касающихся церкви, распоряжений Св. Синода, епархиального руководства и т. д. В неофициальной части публиковались тексты богословского содержания, проповеди и поучения, «известия и выдержки из периодической печати по предметам русской церковно-религиозной жизни и быта духовенства, а в конце разные

объявления, имеющие общий и в частности для духовенства практический интерес» [18]. Епархиальные издания должны были стать как фактором более эффективного административного взаимодействия, так и средством адаптации региональных структур православной церкви к общественным реалиям, что «таким образом ... теснее и живее сближат пастырей между собою для стройного и единодушного действия» [19].

Рассмотренные выше мероприятия в сфере управления, образования и коммуникации укрепляли положение церкви, но неминуемо и вели к девальвации её прежних социальных ролей. Так, частые реформы управленческих структур повышали эффективность церковного механизма. Однако, если в самой церкви, глава которой Иисус, происходят перемены, то это прямое свидетельство, что мир не соответствует той информации, которую несет церковь, ибо религиозная истина неизменна, в силу божественной полноты. Не смотря на то, что образование способствовало выработке личностного отношения к вере, оно разрушало конфессиональную монополию, перенося акцент в сферу индивидуального выбора человека, что косвенно свидетельствовало: жизнь общества перестаёт совпадать с канонами, так как социальные нормы не предоставляют выбора.

Скрытый конфликт между новыми средствами активизации церковной деятельности и ее значением в качестве актуальной информации об обществе видимо проявился в углубляющемся разрыве макро и микроуровней. У Н. С. Лескова есть рассказ «Пугало» (1885 г.), который начинается тем, что восьмилетнему городскому мальчику в деревне старик мельник «... открывал ..., полный таинственной прелести мир» окружающих явлений. В этом рассказе хорошо видна разница современного и сельского традиционалистского восприятия. Автор пишет: «Я хорошо знал и любил Священную историю, – и я до сих пор готов ее перечитывать, а все-таки ребячий милый мир тех сказочных существ, о которых говорил мне дедушка Илья, казался мне необходимым. Лесные родники осиротели бы, если бы от них были отрешены гении, приставленные к ним народною фантазией» [20, с. 346–348]. То, что автору представлялось художественным вымыслом, для народных традиционалистских представлений было наполнено смыслом. Через всех этих чудищ общинный мир вписывался в религиозную картину социума, становился понятным и самодостаточным.

Церковь, в своей образовательной деятельности, видела в народных представлениях, «суевериях», препятствие. Во-первых, потому, что они были индифферентны к конфессиональному и беззащитны перед какой либо около или же антирелигиозной информацией, поскольку не подразумевали самоопределения. В то время как образование и проповедь в конечном итоге переносили выбор в сферу личных убеждений человека, а у нее потребности в этом мире не было, он оказывался излишним, так как был обезличен. Во-вторых, традиции были привязаны к определённом географическому пространству, конкретной общине и вне её рамок существовать не могли.

Разрушение этих границ, как физических, так и информационных, влекло религиозный вакуум, который мог быть заполнен какими угодно идеями. С того момента, когда фантастический мир общины лишился легитимности в глазах церкви, процесс утраты ею значения, как основного источника социальной информации переходит в завершающую фазу. В силу того, что без этого уровня религиозная информация как социально актуальная не жизнеспособна, она предстает мертвыми социальными знаниями, поскольку не привязана к конкретному микрообществу.

Таким образом, диспропорции процесса модернизации российского общества обусловили сохранение церкви в качестве актуального источника социальной информации. На политическом уровне это выражалось в государственном статусе церкви, в использовании православной символики в идеологии российского абсолютизма (православие – самодержавие – народность), в чиновничьих функциях приходского духовенства, важнейшей из которых являлась фиксация рождения, бракосочетания и смерти, в обязательной принадлежности каждого подданного к религиозному объединению.

Церковь, в условиях перехода от традиционного общества к современному, стремилась к сохранению своего места в социальной системе. С этой целью проводились реформы в сферах духовного управления и образования. Была занята более активная позиция в катехизации населения, значимая роль отводилась духовенству в формировании системы массового образования. Наконец созданы собственные печатные издания. Это с одной стороны повышало конкурентоспособность церкви, однако с другой – вело к утрате церковью своей коммуникативной роли в пользу СМИ.

Такое сложное промежуточное положение церкви, не позволяло в наилучшей степени задействовать внутренние резервы. В результате, в конце XIX – начале XX вв. все сильнее звучала критика в адрес церкви, притом с разных сторон о том, что она не отвечает потребностям времени. Однако кардинальные изменения положения и роли церкви в обществе произошли лишь в условиях глобальных потрясений Первой мировой войны и революции.

Список использованных источников

1. *Карсавин, Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. / Л. П. Карсавин – СПб.: Алетей, 1997. – 418 с.
2. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): генезис личности, демократ. семьи, гражд. о-ва и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т 1. – 547 с.
3. Периодическая печать в России дореволюционного периода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.history-journal.ru/>. – Дата доступа: 31.03.2018.
4. *Каханюўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А. Г. Каханюўскі; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.
5. *Благовидов, Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и первой половине XIX столетия / Ф. В. Благовидов. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1899. – 430 с.

6. Полное собр. законов Рос. империи (ПСЗРИ): собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVI, ч. I, 1842. – С. 221–263.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 19402. – Л. 9.
8. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. IV, 1830. – С. 833–839.
9. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XIV, ч. I, 1840. – С. 179–183.
10. Духовное образование в России в синодальный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minds.by/news/>. – Дата доступа: 01.04.2018.
11. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.
12. НИАБ. – Фонд 2001. – Оп. 1. – Д. 323. – Л. 3, 7.
13. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад. рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
14. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVII, ч. I, 1843. – С. 701–702 [18, с. 12].
15. *Васович, С. М.* Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII – 1914 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. М. Васович; Инст. ист. НАН Беларуси. – Минск, 2003. – 22 с.
16. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.
17. *Шимолін, В. И.* У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолін. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.
18. От редакции Полоцких епархиальных ведомостей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 1. – С. 1–4.
19. От редакции Литовских Епархиальных ведомостей: [об изд. «Литов. епарх. ведомостей»] // Литовские. епархиальные ведомости. – 1863. – № 1. – С. 3.
20. *Лесков, Н. С.* Собрание сочинений: в 6 т. / Н. С. Лесков. – М.: АО «Экран», 1993. – Т. 6. – 543 с.

(Дата подачи: 18.02.2020 г.)

Shu Wei

Белорусский государственный университет, Минск

Shi Wei

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(091)(8)

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР КАК МОТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАКИСТАНА

CHINA-PAKISTAN ECONOMIC CORRIDOR AS THE ENGINE OF PAKISTAN'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Статья посвящена анализу влияния Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК) на экономическое развитие и внутреннюю стабильность Пакистана.